

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.Н. Жукович

**К вопросу о виновности
эксарха Никифора, председателя
Брестского православного собора,
в турецком шпионстве**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1899. № 3. С. 573-582.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Къ вопросу о виновности экзарха Никифора, председателя Брестскаго православнаго собора, въ турецкомъ шпіонствѣ.

Болѣе трехъ сотъ лѣтъ уже тяготѣеть надъ председателемъ осудившаго унию Брестскаго православнаго собора, константинопольскимъ патріаршимъ экзархомъ - протосинкелломъ Никифоромъ обвиненіе въ томъ, что онъ былъ турецкимъ шпіономъ въ Польшѣ. Во время самаго Брестскаго собора королевскіе уполномоченные на этомъ соборѣ обвиняли Никифора, если и не прямо въ шпіонствѣ, то во всякомъ случаѣ въ «соглашеніи съ турками», гибельномъ для Польши¹⁾. Во время же Брестскаго собора (6 — 9 октября 1596 г.) Никифоръ уже прямо какъ «турецкій шпіонъ», по приказу короля, объявленъ былъ арестованнымъ у князя Константина Константиновича Острожскаго. Послѣдній, взявши его на руки, долженъ былъ дать обязательство въ томъ, что представить его на будущій сеймъ, подъ угрозой штрафа въ двѣсти тысячъ червонныхъ²⁾.

Въ концѣ 1596 года польскій коронный канцлеръ и гетманъ Янъ Замойскій (главный обвинитель Никифора, какъ политическаго преступника) хвалился уже Ваноци, секретарю папскаго легата въ Польшѣ кардинала Гаетано, что у него въ рукахъ есть уже и фактическое доказательство шпіонства Никифора, именно письма Никифора, въ которыхъ онъ

---

¹⁾ „Верестейскій соборъ и его оборона“ *Скарпи* (Памятники полемиической литературы въ Западной Руси, кн. II, 946).

²⁾ Хронологія Варшавскаго сейма 1597 года (напечатанная *С. Т. Голубевымъ* въ приложеніи къ I тому его книги „Петръ Могила“, стр. 48).

призываетъ турокъ напасть на Польшу ¹⁾. Письма эти (числомъ четыре), какъ извѣстно, перехвачены случайно въ мѣстечкѣ Шаргородѣ, принадлежавшемъ Замойскому, у слуги князя К. К. Острожскаго Яни, ѣхавшаго въ Молдавію. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, именно въ письмѣ къ адрианопольскому митрополиту, говорилось, что среди польскихъ псовъ теперь большіе раздоры изъ-за греческой и римской вѣры, и они теперь не могущественны; поэтому давался совѣтъ султану напасть теперь же на польскихъ псовъ (авторъ письма прибавлялъ, что писалъ его съ вѣдома «даскала», т. е. дидаскала). Въ письмѣ къ адрианопольскому священнику авторъ его писалъ, что онъ самъ принужденъ тайно скрываться среди польскихъ псовъ. Въ письмѣ къ священнику Егію (Egiuszu) писалъ, что псы-поляки запрещаютъ нашу вѣру, принуждая къ своей, изъ-за чего русскіе бились съ поляками, и 20 тысячъ пало съ обѣихъ сторонъ (намекъ на возстаніе Лободы и Наливайки, размѣры котораго преувеличены ²⁾).

Указанныя письма фигурировали въ теченіе всего судебного процесса Никифора, какъ одна изъ главныхъ уликъ противъ него. Судебный процессъ происходилъ во время сейма 1597 года одновременно съ борьбой православныхъ, по преимуществу южно-русскихъ, земскихъ пословъ противъ церковной уніи. Самое требованіе представить Никифора на судъ предъявлено было королемъ къ князю К. К. Острожскому не въ началѣ сейма (открывшагося 10 февраля), а лишь 7 марта, когда православные земскіе послы, послѣ нѣсколькихъ предыдущихъ болѣе умѣренныхъ заявленій, прямо наконецъ объявили, что они сорвутъ сеймъ, если взаимнѣ принявшихъ унію владыкъ имъ не будутъ даны православныя владыки.

¹⁾ *Babrowicz*, Zbiór pamiątek historycznych o dawnej Polsce, II, 210. Ванюци два раза былъ въ Замостьѣ; второй разъ 12 декабря 1596 года.

²⁾ Мы изложили содержаніе арестованныхъ писемъ съ буквальною точностью такъ, какъ изложилъ его на судѣ, 11 марта 1597 года, обвинявшій Никифора прокуроръ, пользуясь очень подробной передачей обвинительнаго акта, сдѣланной неизвѣстнымъ авторомъ вышеупомянутой „Хронологіи сейма 1597 года“ (у *Голубева*, прил., 52). Этого автора никто не заподозрѣваетъ въ пристрастіи въ пользу Никифора... Впрочемъ и „слѣдственное дѣло“ (Акты Зап. Рос., IV, 160, и 117) и даже Перестрога, въ существѣ дѣла, не скрываютъ того, что въ арестован-

Дѣло Никифора публично разбиралось въ судѣ (судилъ король съ сенатомъ), въ присутствіи земскихъ пословъ, 11 и 12 марта, 14 марта сдѣланъ былъ какой-то новый допросъ Никифору, но не въ засѣданіи сената, а въ засѣданіи слѣдственной по дѣлу комиссіи. 23 марта сеймъ былъ сорванъ (не исключительно впрочемъ по религіознымъ мотивамъ). Судъ надъ Никифоромъ возобновился 28 марта, и окончился тогда же заключеніемъ его въ Маріенбургскую крѣпость.

Не въ одномъ шпіонствѣ обвиняли Никифора на судѣ, а въ цѣломъ рядѣ разнородныхъ преступленій. Но мы въ настоящей замѣткѣ, въ виду ея спеціальной цѣли, коснемся только этого пункта обвиненія ¹⁾, тѣмъ болѣе, что всѣ другія политическія преступленія, поставленныя ему въ вину, совершены имъ, если даже совершены, не на польской, а на чужой территоріи, въ Турціи и Молдавіи.

Судъ надъ Никифоромъ (11 марта) и открылся чтеніемъ четырехъ извѣстныхъ намъ писемъ въ доказательство того, что Никифоръ «извѣщалъ турокъ о томъ, что дѣлается въ Польшѣ». Когда содержаніе обвинительной рѣчи (очевидно,

---

ныхъ письмахъ говорилось о внутреннихъ раздорахъ въ Польшѣ и заключался призывъ напасть на Польшу.

¹⁾ Здѣсь только кратко замѣтимъ, что во время сейма (11 и 12 марта) обвинительною властью Никифору еще поставлены были въ вину слѣд. пункты: а) онъ былъ шпіономъ у матери турецкаго султана и дѣлалъ ей большіе подарки; б) жестоко поступалъ съ христіанами въ Турціи, продавая ихъ на галеры; в) ввелъ молдавское воеводство въ большіе долги при Ааронѣ; г) объявилъ себя посломъ отъ сына паши къ польскому войску въ Валахія (очевидно къ войску Замойскаго осенью 1595 г.); д) онъ осмѣлился, выдавая себя за патриарха, вѣхаться въ Польшу, не имѣя на то королевскаго разрѣшенія и не заявивши о себѣ на границѣ. Кромѣ прокурора, гетманъ Замойскій величайшее преступленіе Никифора указывалъ въ томъ, что онъ осмѣлился пріѣхать къ королевскому войску отъ Синай-паши съ такими условіями успокоенія Молдавіи: 1) чтобы молдаване взяли себѣ воеводу отъ руки турецкаго султана, какъ прежде поляки отъ его же руки взяли себѣ Стефана въ короли; 2) чтобы молдавскій воевода присягнулъ туркамъ; 3) чтобы онъ далъ султану своего сына или брата въ заложники; 4) чтобы не только воевода во всякой нуждѣ давалъ султану помощь, но чтобы и король оказывалъ ему помощь противъ христіанъ.—Послѣ сейма, 28 марта, кромѣ указанныхъ пунктовъ, Никифору поставлено въ вину еще то, что онъ на синодахъ устраивалъ заговоры между подданными короля, выдавая себя за наивысшаго митрополита, имѣя на самомъ дѣлѣ только низшую іерархическую степень (*primam tonsuram*). Кромѣ того, обвиняли Никифора въ нечистой жизни.

на польскомъ языкѣ) переведено было Никифору его защитникомъ на понятный для него языкъ, онъ самъ на итальянскомъ ¹⁾ языкѣ заявилъ, что письма—«подложны и вымышлены», что развѣ могъ онъ, будучи христианиномъ, основательно зная богословіе (которымъ занимался тридцать лѣтъ), высказывать такія пожеланія свирѣпому, невѣрному турку? На другой день (12 марта), защитникъ Никифора относительно писемъ заявилъ, что ихъ писалъ не Никифоръ, а митрополитъ Пафнутій, который, объѣзжая русскія церкви, уѣхалъ въ Москву, что объ этихъ письмахъ Никифоръ ничего не зналъ ²⁾).

Существенное значеніе въ дѣлѣ Никифора должно было имѣть показаніе молдаванина Яни, у котораго захвачены были письма. На вопросъ, отъ кого онъ получилъ письма, Яни (12 марта) отвѣчалъ, что получилъ ихъ отъ Пафнутія, который въ то время находился въ Острогѣ при Никифорѣ, и что онъ взялъ письмо у Пафнутія по рекомендаціи (за zieleciem) Никифора. 28 марта представитель обвинительной власти опять обвинялъ Никифора въ томъ, что онъ осмѣлился посылать такія письма невѣрному, что онъ рекомендовалъ Яни, ѣхавшему въ Молдавію, Пафнутія, зная о его дурныхъ поступкахъ. Защитникъ Никифора опять утверждалъ, что писемъ онъ не писалъ и Яни ихъ не отдавалъ, а что отдалъ ихъ Яни его товарищъ, митрополитъ Пафнутій («который поѣхалъ въ Москву на ревизію церквей»?! ³⁾).

Какъ на свидѣтеля того, что не Никифоръ, а Пафнутій вручилъ Яни письма, защитникъ Никифора еще 11 марта ссылаясь на армянина Мурата, замостьскаго купца, который вмѣстѣ съ Пафнутіемъ ѣхалъ тогда въ Москву. Этого армянина судъ допросилъ только 28 марта, и онъ показалъ слѣдующее: «я тогда уже уѣхалъ въ Москву, а эти письма потомъ отосланы, со мной никто не ѣздилъ» ⁴⁾).

¹⁾ У Голубева, въ „Хронологіи сейма“ (стр. 53) въ данномъ мѣстѣ корректурная ошибка: напечатано po Wolosku (т. е. по-румынски) вмѣсто po Włosku (т. е. по-итальянски), какъ стоитъ въ самой рукописи (Имп. Публ. Библ., Польская, т. IV, № 241), съ которой и напечаталъ „Хронологію“ проф. Голубевъ, а также и въ другой рукописи той же „Хронологіи“ (Имп. Публ. Библ., Польская, т. IV, № 173). Эта досадная опечатка между тѣмъ ввела въ ошибку митр. Макарія (Ист. рус. церкви, XI, 247).

²⁾ Голубевъ, 52, 53, 55.

³⁾ Ibid., 55, 57, 58.

⁴⁾ Ibid., 53, 59.

Все обвиненіе Никифора въ шпионствѣ, въ существѣ дѣла, основывалось на показаніи одного свидѣтеля, или — вѣрнѣе — другого подсудимаго въ томъ же процессѣ: молдавскій шляхтичъ Яни, послѣ перваго же допроса, 11 марта самъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ шпионствѣ¹⁾. Не лишено серьезнаго значенія въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что этотъ молдаванинъ, 11 марта, когда онъ былъ еще простымъ свидѣтелемъ по дѣлу, показалъ, что письма ему дала «какая-то греческая особа на пути, ѣхавшая въ Москву съ замостьскимъ купцомъ Муратомъ», а 12 марта, когда онъ самъ превратился уже въ подсудимаго, показалъ, что письма далъ ему Пафнугій по рекомендаціи Никифора. Такая двойственность въ показаніяхъ едва ли говоритъ въ пользу молдаванскаго шляхтича, въ пьяномъ видѣ попавшагося въ бѣду (уронившаго сумку съ письмами въ Шаргородѣ). Такое впечатлѣніе производили показанія Яни и въ свое время. Авторъ служащей намъ источникомъ при изложеніи дѣла «Хронологіи сейма 1597 года», человекъ совершенно не заинтересованный²⁾, — описавши подробно весь ходъ процесса 11 и 12 марта, выразилъ свое общее отъ него впечатлѣніе въ такихъ словахъ: «итакъ, ничего не постановивши, судъ разошелся, потому что никакихъ правдоподобныхъ основаній въ доказательство этого преступленія не въ состояніи были привести (*žadnych probabiles rationes tego zdradziectwa producere non valebant*³⁾). И впоследствии судъ тѣмъ менѣе имѣлъ права довѣрять оговору Никифора молдаваниномъ, что и ссылка его на армянина совсѣмъ не подтвердилась.

Мнѣнія судей-сенаторовъ рѣзко раздѣлились на трое, и судьба Никифора, въ существѣ дѣла, рѣшена была Сигизмундомъ III. Съ этого времени взглядъ на Никифора, какъ на турецкаго шпиона, окончательно усвоенъ всей латино-уніатской стороной. Съ неизмѣннымъ постоянствомъ о турецкомъ шпионствѣ Никифора твердили и твердятъ всѣ книги и брошюры, и полемическаго, и историческаго характера, какія только выходили изъ-подъ пера польскихъ латино-уніатскихъ

¹⁾ Ibid., 53—54.

²⁾ Его вѣдь разсказъ о процессѣ Никифора и далъ новыя данныя (выше нами приведенныя) не въ пользу Никифора... „Слѣдственное дѣло“ и „Перестрога“ излагаютъ процессъ вполне въ интересахъ Никифора, но мы совсѣмъ ими не пользуемся по понятной причинѣ.

³⁾ Голубевъ, 56.

писателей. Для современнаго латино-польскаго епископа Ликовскаго ¹⁾, ознаменовавшаго недавній трехсотлѣтній юбилей Брестской уніи изданіемъ особой, спеціальной исторіи ея, шпіонство Никифора такой же не подлежащій сомнѣнію догмать, какъ и для автора Антиризиса, изданнаго въ 1599 году, если не болѣе.

Православные писатели, современные и близкіе по времени къ эпохѣ Брестской уніи, напротивъ, утверждали, что не только Никифоръ не былъ турецкімъ шпіономъ, но и само польское правительство, отправившее его въ Маріенбургскую крѣпость, никогда серьезно не вѣрило этому. Они утверждали, что судъ надъ Никифоромъ былъ только отместкой ему за его противодѣйствіе уніи на Брестскомъ соборѣ, — противодѣйствіе, дѣйствительно, энергичное, умѣлое и успѣшное. Но бороться съ латино-польскимъ навѣтомъ на Никифора, санкціонированнымъ судебнымъ приговоромъ, православнымъ защитникамъ невинности его всегда было не легко. Только указаніемъ свидѣтельствъ въ пользу невинности Никифора изъ противнаго ему лагеря можно бы поколебать силу этого стародавняго навѣта. Но такихъ свидѣтельствъ православно-русскіе писатели въ защиту Никифора не приводили.

А между тѣмъ свидѣтельство такого рода существуетъ, и притомъ современное самому суду надъ Никифоромъ. Мало того: свидѣтельство того же самаго Сигизмунда III, который предалъ Никифора суду по обвиненію въ турецкомъ шпіонствѣ и самъ утвердилъ обвинительный надъ нимъ приговоръ. Это свидѣтельство находится въ нижепомѣщаемомъ письмѣ ²⁾ короля Сигизмунда III къ турецкому султану, отъ 8 мая 1599 года. Вотъ это письмо (или — точнѣе — окончаніе его) въ подлинникѣ:

Responsum Regiae Maiestatis ad superiores Turcarum Imperatoris litteras.

In alteris (litteris) Serenitas Vestra nobiscum de Dascalo Monacho agit, quod haud scimus, an non ab aliquo ignaro rerum, aut amicitiae priscae majorum nostrorum inter nos con-

¹⁾ *Likowski*, Unia Brzeska, Poznań, 1896, str. 270.

²⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., Разнояз., F. II, № 11, Acta Cancelariatus an. 1582 usque ad 1611, ex manuscriptis Jacobi Zadzik, p. 159—160.

servandae non valde cupido profectum sit. Nos, ne maximum quidem Principum causa, ab amicitia Serenitatis Vestrae recedimus, nec etiam Serenitatem Vestram, tam constantem Principem, levissimum homuncionem pluris, quam nostram amicitiam et foedera sacrosancta, facturum certo scimus. An non hoc fuit semper observatum, ut qui in regno alterius seditiones et tumultus facerent, castigarentur et supplicio afficerentur. Factum est hoc Constantinopoli, factum in Polonia, nec ullae querellae intercesserunt. Frustra ad Serenitatem Vestram relatum est, eum tanquam speculatorem Serenitatis Vestrae captum. Quid opus est speculatoribus inter amicos, pacem et foedera colentes? Quomodo igitur nos nullos speculatores in imperium Serenitatis Vestrae mittimus, ita certo statuimus, nec eam in regnum ac ditiones nostras mittere. Venit hic homo Craecus in regnum nostrum, non tanquam legatus, aut mercator, aut denique musulmanus, sed ut hic collocaret suum domicilium, et tanquam sacerdos eius ritus, quem etiam Russi subditi nostri sequuntur, ut illorum sacra obiret, et illos religiose instrueret. Sed cum ingenio sit inquieto, ac turbulento, concitavit turbas inter subditos nostros Russos, ac Polonos, in auxilium etiam kozakos, homines sceleratos, advocabat, et ad Moschorum Principem litteras, ac sacerdotes mittebat. Talis homo indignus fuit, qui a Serenitate Vestra, tanto Principe, et tam iusto, intercessionem imploraret. Tales ubivis terrarum capite puniuntur. Haec omnia Serenitati Vestrae magno iudicio sunt perpendenda, nec si agimus, quod iure agere debemus, in aliam partem interpretatur, quam quod tuendae et conservandae inter nostros subditos tranquillitatis studiosi sumus, et hos, qui cum nostris, ac Serenitatis Vestrae hostibus consilia communicarunt, indignos vita statuimus. Dat. Varsaviae die VIII mensis Maij Anno Domini 1599.

Отвѣтъ Его Королевскаго Величества на предыдущее письмо Турецкаго Императора.

«Въ другомъ письмѣ Ваше Величество указываете намъ на дидаскала-монаха, что — ужъ и не знаемъ — сообщено ли къмъ. либо не свѣдующимъ въ дѣлѣ, или не особенно сочувствующимъ сохраненію между нами старой дружбы нашихъ предковъ. Мы даже ради величайшихъ государей не нарушаемъ дружбы съ Вашимъ Величествомъ, и увѣрены, что даже и не столь не

поколебимый государь, какъ Ваше Величество, не сталъ бы ничтожнѣйшаго человѣчишку цѣнить выше, чѣмъ нашу дружбу и священные договоры. Развѣ это не соблюдалось всегда, что тѣ, кто въ чужомъ государствѣ производилъ смуты и возстанія, подвергались преслѣдованію и наказанію? Было это въ Константинополѣ, было—въ Польшѣ, и никакихъ жалобъ не возникало. Напрасно Вашему Величеству донесено, что онъ схваченъ, какъ шпионъ Вашего Величества. Какая нужда въ шпионахъ для друзей, соблюдающихъ миръ и договоры? Какъ сами мы не посылаемъ шпионовъ въ государство Вашего Величества, такъ и въ Вашемъ Велиествѣ увѣрены, что Вы не посылаете ихъ въ государство и области наши. Прибыль этотъ грекъ въ государство наше, не какъ посоль, или купецъ, или наконецъ мусульманинъ, а съ тѣмъ, чтобы здѣсь остаться жить и въ качествѣ духовнаго лица той вѣры, которую исповѣдуютъ и наши русскіе подданные, совершать у нихъ священнодѣйствія и наставлять ихъ въ религіи. Но такъ какъ это — человѣкъ безпокойнаго и мятежнаго духа, то онъ возбудилъ раздоры между нашими подданными русскими и поляками, призвалъ на помощь даже казаковъ, людей преступныхъ, и посылалъ письма и духовныхъ лицъ къ Московскому Государю. Такой человѣкъ не достоинъ былъ искать заступничества у Вашего Величества, такого могущественнаго и столь справедливаго Государя. Такіе люди вездѣ наказываются смертію. Все это Вашему Величеству слѣдуетъ серьезно взвѣсить, и если мы дѣлаемъ то, что по праву должны, не истолковывать этого въ дурную сторону, а быть увѣрену, что мы стремимся къ сохраненію и упроченію мира среди нашихъ подданныхъ и признаемъ не достойными жизни тѣхъ, кто сносится съ врагами нашими и Вашего Величества. Варшава, 8 мая 1599 года».

Изъ этого письма прежде всего видно, что турецкій султанъ обратился къ польскому королю съ особымъ представленіемъ по поводу суда надъ Никифоромъ и заключенія его, какъ турецкаго шпиона, въ Маріенбургскую крѣпость. Если бы въ рукахъ польскаго правительства были дѣйствительныя улики противъ Никифора, какъ турецкаго шпиона, или вообще политическаго преступника (въ бытность его въ Польшѣ, или раньше въ Молдавіи), оно не приминуло бы, въ такой или иной формѣ, поставить ихъ на видъ турецкому правительству. Въ той же рукописи, изъ которой нами извлечено настоящее письмо, въ письмахъ султана и короля можно прочесть не мало

и взаимныхъ обвиненій, и опроверженій ихъ, приче́мъ опроверженіе сводится не рѣдко къ указанію на то, что и обвиняющая сторона повинна въ томъ же, въ чемъ обвиняетъ другую. Очевидно, доказательства турецкаго шпіонства Никифора и вообще его политической преступности, по суду самаго польскаго правительства, были не совсѣмъ надежны...

Поставленное однако же въ необходимость объяснить султану свой образъ дѣйствій въ отношеніи къ Никифору, польское правительство перенесло все дѣло на почву внутреннихъ польскихъ религіозно-церковныхъ дѣлъ и отношеній. Прижатый къ стѣнѣ, Сигизмундъ III, въ существѣ дѣла, сказалъ султану правду, — ту правду, которой не хотѣлъ или не смѣлъ прямо сказать своимъ подданнымъ: «прибыль этотъ грекъ въ въ наше государство... въ качествѣ духовнаго лица той вѣры, которую исповѣдуютъ и наши русскіе подданные, съ тѣмъ, чтобы совершать у нихъ священнодѣйствія и наставлять ихъ въ религіи; но... онъ возбудилъ раздоры между нашими подданными русскими и поляками».

Разъяснять турецкому правительству сущность этихъ «раздоровъ», вызванныхъ введеніемъ церковной уніи, а также участіе во всемъ этомъ дѣлѣ экзарха Никифора, не было, смысла, и Сигизмундъ III, конечно, не вдавался въ подробности...

Но перенеся обвиненіе Никифора съ зыбкой почвы турецкаго шпіонства на реальную почву внутренней религіозной борьбы въ Польшѣ за и противъ уніи, Сигизмундъ III придалъ участію Никифора въ этой борьбѣ такой характеръ, что, если бы въ этомъ новомъ взведенномъ на Никифора обвиненіи была хоть доля правды, ничего лучшаго для безповоротной гибели Никифора на Варшавскомъ сеймѣ 1597 года никакой латино-польскій прокуроръ и придумать не могъ бы. Сигизмундъ III не постѣснился передъ султаномъ объявить Никифора подстрекателемъ казаковъ къ возстанію, забывши, что возстаніе Лободы и Наливайки началось задолго до прибытія Никифора въ Западную Россію. Какихъ только обвиненій не взводилъ прокуроръ на Никифора на судѣ во время и послѣ Варшавскаго сейма 1597 года, но обвинить Никифора въ подстрекательствѣ казаковъ къ бунту, или даже въ соучастіи въ немъ, и у него не хватило духу, за отсутствіемъ, конечно, какихъ бы то ни было основаній. Но обвиняя Никифора въ сношеніяхъ съ казаками, Сигизмундъ отлично понималъ, что бьетъ прямо

въ цѣль: запорожскіе казаки составляли всегда предметъ особой ненависти турокъ.

Въ письмѣ Сигизмунда III къ султану есть еще одна любопытная черта. Въ 1597 году, въ Варшавѣ обвиняли Никифора въ турецкомъ шпионствѣ. Въ 1599 г., въ письмѣ къ султану, Сигизмундъ обвиняетъ его уже въ московскомъ шпионствѣ: Никифоръ «посылалъ письма и духовныхъ лицъ къ московскому государю». Интересно, какія это еще «письма»... Ужъ не стали ли тѣ четыре пресловутыхъ письма вещественными доказательствомъ московскаго шпионства, вмѣсто турецкаго?

Наконецъ, изъ напечатаннаго нами письма видно, что въ маѣ 1599 года Никифоръ былъ еще живъ (*ingenio sit inquieto*). Извѣстно, что судьба Никифора послѣ Варшавскаго сейма 1597 г. представляетъ собой полную неизвѣстность. Вопреки утверженію православныхъ, что Никифоръ окончилъ свои дни въ Мариенбургской крѣпости, латино-уніатскіе писатели, до самаго послѣдняго времени, настойчиво утверждали, что послѣ понесеннаго имъ въ Мариенбургѣ заключенія, Никифоръ вывезенъ былъ за-границу и отпущенъ на свободу. Только напечатанное въ 1892 году въ «Архивѣ дома Сапѣговъ» письмо Ипатія Потѣя (отъ 28 іюня 1605 г.), рѣшило наконецъ безповоротно въ пользу православныхъ ¹⁾ историковъ этотъ старый споръ: «измѣнникъ Никифоръ издохъ въ Мариенбургѣ»,—написалъ Потѣй въ письмѣ къ Льву Сапѣгѣ... Остается еще вопросъ, естественной, или насильственной смертью умеръ Никифоръ въ Мариенбургской крѣпости. Авторъ «Перестроги», какъ извѣстно, утверждаетъ, что Никифоръ въ Мариенбургѣ былъ «уморенъ постомъ», т. е. умеръ голодною смертью. Перестрога, какъ историческій памятникъ, не высоко вообще стоитъ, и на ея показаніи историку основываться въ настоящее время не возможно. Тѣмъ не менѣе свидѣтельство Перестроги о насильственной смерти Никифора невольно приходитъ на мысль при чтеніи письма Сигизмунда III къ султану: «такіе люди вездѣ наказываются смертью»... «мы признаемъ недостойными жизни тѣхъ, кто сносится съ врагами нашими и Вашего Величества».

П. Жуковичъ.

¹⁾ Ликовскій уже процитировалъ письмо Потѣя о томъ, что Никифоръ издохъ въ Мариенбургѣ (280).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки